

Российский статистический ежегодник. 2009 : стат. сб. / Росстат. М., 2009. 795 с.
Merton R. K. The Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science / ed. by B. Barnes.
L. : Penguin Books, 1972.

Science as a Second Job: a Social Issue and its Effects

MIKHAIL A. KLUPY

Professor, Saint Petersburg State University of Economics and Finance,
Saint Petersburg, Russia
klupy@mail.ru; ritm@finec.ru

Paper deals with the problems caused by widespread implementing research activities as a second job and cutting down the number of staff researchers in present-day Russia. The influence of implementing research activities as the second and part-time job on methodology and techniques, the conflict between the habitus of a scholar and a manager, the role of explicit and implicit knowledge in their activities are analyzed. The eventual activities to strengthen the positive and to damp the negative synergetic effects stemmed from widespread implementing the researches as the second job are proposed.

Keywords: research activity as second job, professor, manager, explicit and implicit knowledge, conflict of habitus

ЗОТОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

научный сотрудник отдела истории и теории социологии Учреждения
Российской академии наук Института социологии РАН,
редактор журнала «Социологические исследования»
Москва, Россия
andrzotow@stream.ru

Научный факт и требование научной объективности в социологии классического периода

Статья посвящена рассмотрению характерных для социальных наук XIX — начала XX века воззрений о статусе научного факта и критериях научной объективности. Представлены распространенные в раннем позитивизме представления о наличии непосредственной связи между научными фактами и формируемой научной теорией. Рассмотрена история противостояния натуралистской и интерпретативной (антинатуралистской) позиций. Сопоставляются модели развития науки, выдвинутые в классическом позитивизме и постпозитивизме. Показано, что факты или опытные данные упорядочиваются с помощью понятий, и что такое упорядочивание не является точной копией структур объективной действительности.

Ключевые слова: натурализм, позитивизм, коллективная идентичность, групповая идентичность.

В начальный период формирования социологии как строгой научной дисциплины среди ее приверженцев было широко распространено представление о том, что в формировании и развитии любых наук особое значение имеет получение, обобщение и анализ экспериментальных фактов. Ориентация на опытное естествознание и решительное отвержение априоризма отличало социологов раннего позитивизма. Как отмечает Ежи Шацкий, «позитивисты проводили строгое разделение между субъектом и объектом социального познания, последовательно стояли на почве объективизма. Они трактовали социальный мир как совершенно независимый от наблюдателя и рассматриваемый им извне. В этом смысле уже в программе раннего позитивизма содержался представленный позднее Дюркгеймом постулат, предписывающий трактовать социальные факты как вещи» (Szacki, 2002: 247).

Представление о том, что изучение «единообразий» социальных фактов и проявляющихся в них закономерностей следует положить в основу социальных наук вообще и социологии в частности, формируемых по образу и подобию «точных» и «экспериментальных» наук было, безусловно, результатом успехов, достигнутых в естествознании первой половины XIX в. Историкам науки известно о том, насколько значимую роль в развитии естествознания XVIII–XIX веков сыграли открытия, полученные в ходе проведения экспериментов и систематических наблюдений. Это приводило порой к пересмотру или даже к отвержению старых и к выработке новых теорий или, по крайней мере, к появлению новых областей исследований. Французский химик Лавуазье на основе научных экспериментов окончательно опроверг теорию флогистона и совершил открытие кислорода, что обеспечило прорыв к созданию теории химических элементов. Как отмечает Т. Кун, сходным с открытием Лавуазье образом было осуществлено открытие рентгеновских лучей (1895), представляющее собой «классический пример случайного открытия» (Кун, 1975: 83). Первые открытия в области теории электричества (вторая половина XVIII — начало XIX века) совершались путем экспериментирования, поначалу нередко случайного, а в дальнейшем все более систематического и целенаправленного. Экспериментаторская деятельность Алессандро Вольта, начинавшего с повторения опытов Гальвани, привела его к изобретению первой гальванической батареи, а также к открытию способности металлических проводников проводить электрический ток. В результате произошел прорыв в развитии исследований электричества: от экспериментов со статическими зарядами (которые создавали электризуемые трением машины) физики перешли к изучению электрических токов в цепях, где совершались открытия, давшие широкие технические приложения (электротехника, телеграфия, телефония). Благодаря открытию Вольта физики следующего поколения (Эрстед, Ампер, Ом, Сименс, Фарадей) смогли работать с устойчивым источником электричества достаточно высокой емкости и небольшого напряжения (гальваническая батарея), что позволило изучать электрические цепи и развивать электродинамику. До Максвелла классическая электродинамика на самом деле выступала в основном обобщением результатов экспериментирования.

Благодаря успехам опытного естествознания в сознании значительной части ученых XIX века укреплялось убеждение в том, что наблюдение и эксперимент представляют собой единственно надежные способы получения научных знаний. Такое понимание привело к выдвиганию методологического требования непосредственной эмпирической верификации каждого положения теории, а также способ-

ствовало формированию убеждения в возможности только одной истинно научной теории, объясняющей совокупность явлений в изучаемой области действительности. Между тем, в истории науки одни и те же факты порой объяснялись разным образом в рамках различных теорий. В области физической оптики такими примерами стали объяснения преломления света, дифракции и интерференции световых волн в рамках корпускулярной (Ньютон) и волновой (Юнг, Френель) теорий.

Классическим этапом развития социологии была эпоха самоутверждения ее в качестве самостоятельной дисциплины (от начала 1830-х годов и до конца XIX века, включая первое десятилетие XX века, когда наступает отмечаемый Ю. Н. Давыдовым кризис мировоззренческих оснований гуманитарного знания вообще и теоретических оснований социологии в частности). Нами использована аналогия с периодизацией этапов истории естествознания В. С. Степина, включающей классический, неклассический и постнеклассический периоды с характерными для них классической, неклассической и постнеклассической картинами мира (Степин, 2007: 315).

Какая роль отводилась научному факту на данном этапе развития социологии? Как отмечалось выше, социология как научная дисциплина стала формироваться в первой половине XIX века. Огюст Конт (1798–1857) сформулировал программу ее построения как науки «позитивной». Под «позитивным» понималось точное, действительное, полезное в практическом отношении и конструктивное знание. В «Курсе позитивной философии» наряду с синтезом достижений наук предпринимается попытка их экстраполяции на сферу общественной жизни. Свидетельством тому явился сформулированный им закон о трех стадиях развития человеческого духа. «Позитивную стадию» развития общества Конт мыслил как наилучшую общественную форму, к которой в итоге должно прийти человечество. Но не один Конт претендовал на создание социальной доктрины (которую он именовал «положительной философией»), позволяющей вывести общество на более высокую ступень, где должно произойти «единение умов на почве общности принципов» (Конт, 1996: 109). К числу мыслителей, ставивших перед собой ту же цель, с полным основанием можно отнести и Платона с его «идеальным государством», и французских просветителей-энциклопедистов (Гольбах, Дидро, Даламбер), мечтавших об установлении «царства разума», и сторонников научного социализма с идеями утверждения принципов коллективизма. Конта отличало убеждение, что такая цель должна быть достигнута исключительно благодаря позитивной науке. Он полагал, что методы социологии должны строиться по тем же общим правилам, что и методы естественных наук, поскольку мир природы и общества составляют единое целое. При этом он объявил три основных правила научного исследования: изучать факты и только факты, искать между ними связи и устанавливать законы, которые должны представлять собой регулярности, или «неизменные отношения последовательности и подобия. Объяснение фактов, приведенное к его действительным пределам, является только установлением связи между различными частями явления и некоторыми общими фактами» (Конт, 1971: 554). Вместе с тем Конт не принимал эмпиризма и подчеркивал, что «истинный положительный дух, в основе, не менее далек от эмпиризма, чем от мистицизма». На его взгляд, «истинная наука далеко не способная образоваться из простых наблюдений, стремится всегда избегать по возможности непосредственного исследования, заменяя последнее рациональным предвидением, составляющим во всех отношениях главную характерную черту положительной философии» (Конт, 1996: 19). В этом вопросе с ним разошелся другой

представитель первого позитивизма — логик и экономист Д. С. Милль, который развивал концепцию опытного возникновения знания и опыта как «главного стимула и основы развития науки» (Грязнов, 1975: 69). Милль полагал, что все человеческие знания имеют источником непосредственный или опосредованный опыт — экспериментальные факты, и что человеческие ощущения передают эти факты. Однако полученные на основе применения индуктивного метода выводы имеют момент неопределенности. Незавершенность опыта — один из основных факторов относительности человеческих знаний, а индуктивные выводы претендуют на более широкую информацию по сравнению с той, которая содержится в посылах.

Общая особенность, отличающая сторонников позитивистского подхода — это противопоставление «позитивного знания» всем «метафизическим» и «ненаучным» теориям и стремление к построению знаний о мире на основе исследования фактов, доступных процедуре эмпирической проверки. Кроме того, позитивистам была присуща точка зрения, что наука должна ограничиваться познанием лишь явлений, а не их сущностей (признание последних означает в их представлениях «метафизику»). Ученых позитивистской ориентации в той или иной мере отличала также склонность к натурализму. Это проявлялось в воззрении на человеческое общество как на продукт эволюции природы и в представлении, что, несмотря на более высокую его сложность, в нем сохраняют свое действие те же самые закономерности, что и в природном мире. Не случайно Герберт Спенсер пришел к практически полному стиранию различий между науками естественными и общественными. Радикальным проявлением позитивистского натурализма стали теории, в которых общество рассматривалось по аналогии с биологическим организмом (Г. Спенсер, П. Лилиенфельд, А. Шеффле, Г. Де Грефф, А. Эпинас, Р. Вормс).

Можно говорить о формировании в XX веке двух мировоззренческих ориентаций: натуралистической и антинатуралистической, или «гуманистической» (если применить термин Ф. Знанецкого). Этим двум ориентациям соответствуют два подхода к истолкованию социальных явлений: в одном случае они рассматриваются в объективном аспекте «как вещи», в другом — как феномены, связанные с действиями людей как существ, наделенных сознанием и волей, когда учитывается рефлексивная составляющая человеческого сознания.

Социальный мир, согласно позиции, соответствующей антинатуралистической ориентации, не является полностью заданным и внешним по отношению к человеку. Он беспрестанно создается в процессе взаимодействия наделенных сознанием и волей людей. Исследуемый представителями гуманитарных наук «человеческий мир» — это мир культуры, область сознательных действий людей. Для такой социологии основными категориями описания являются социальные действия, а также социальные институты, понимаемые как закрепленные образцы действий, возникшие в результате взаимодействия наделенных сознанием индивидов и воспроизводимые во времени и в пространстве. Внимание социологов гуманистической ориентации сосредотачивается на том, как акторы воспринимают и интерпретируют окружающий мир. При этом принимается положение, что взаимодействия акторов осуществляются в сфере значений. Гуманистическая социология подрывает представление о наличии объективных законов, управляющих социальной жизнью наподобие законов, действующих в природном мире. Проявляющиеся в социальной жизни регулярности рассматриваются при этом как результат действия норм, правил и образцов, созданных людьми в ходе их

взаимодействия. Этот акцент на конструктивной стороне освоения людьми социальной действительности приводит к подчеркиванию значения человеческой активности, т. е. того, что мы не обречены на пассивность, что многое в социальном мире зависит от нас самих и нам надо осознавать наличие в общественной жизни множества потенциальных возможностей. Результатом распространения такой точки зрения стал определенный подрыв принципа объективности и нейтральности социологического исследования. Этот взгляд часто порождает стремление соединить социологию с социальной критикой (таковы «критическая теория общества» — Адорно, Маркузе, Хоркхаймер, а также «критическая социология» — Ч. Р. Миллс, А. Гоулднер и др., «альтернативная социология» — Ферраротти). Эта позиция предполагает, что социологическое исследование не может считаться нейтральным интеллектуальным начинанием, что социологу надлежит интересоваться теми последствиями, которые его анализ имеет для тех людей, действия которых он изучает (теория структуриации Э. Гидденса).

Трактовка социологии как науки об обществе, опирающейся на методы естественных наук, впервые была подвергнута критике еще в 1880-е годы немецким философом В. Дильтеем, который настаивал на необходимости разграничивать методы познания мира природы и методы познания мира человека. Критикуя О. Конта, Д. С. Милля и немецких позитивистов за «уродование исторической действительности, чтобы подогнать ее под понятия и методы естественных наук» (Дильтей, 1987: 110), Дильтей предложил провести разграничение наук по предмету исследований на науки о природе и науки о духе. К числу последних он отнес науку об обществе, науки нравственные, а также исторические и историко-культурные науки (Дильтей, 1987: 114). Изучая историю наук, Дильтей отмечал, что «благодаря великим открытиям Коперника, Кеплера и Галилея и сопутствующей им теории конструкции природы посредством аргументов данных логико-математических элементов сознания было окончательно обосновано суверенное сознание автономии человеческого интеллекта и его власти над вещами, — учение, которое стало господствующим убеждением самых передовых умов» (Дильтей, 2000: 194). Разница между «науками о природе» и «науками о духе» заключается, согласно Дильтею, в том, что последние трактуют внешний мир с учетом специфики человека как познающего субъекта. Но проводится и гносеологическое отличие. Не наблюдение внешних объектов, как данных естественных наук, но внутреннее переживание жизни интересует «науки о духе». Во «Введении в “Науки о духе”» (1883) он четко проводит это разграничение: «Мы понимаем социальные факты изнутри, они воспроизводимы до известной степени внутри нас на основе самонаблюдения и интуиции. Мы окрашиваем наши представления о мире любовью и ненавистью благодаря игре наших аффектов. Природа, напротив, молчит, словно чужая... Она для нас — нечто внешнее. Наш мир — общество» (Реале, Антисери, 1997: 288).

Наступление на натурализм было продолжено философами Баденской школы неокантианства. Виндельбанд провел разграничение между генерализирующим методом естественных наук и индивидуализирующим методом «наук о культуре» (история, филология и т.д.), а Риккерт, взяв за основу виндельбандовское разделение наук, особо заинтересовался критерием выбора историком изучаемых проблем. Этот критерий, по мнению Риккерта, состоит в отношении индивидуальных фактов к ценности. Согласно его концепции, реконструировать события историком удастся лишь постольку, поскольку события обладают ценностью.

Макс Вебер также уделит внимание отличиям между познавательными процедурами в отношении явлений социального мира, частью которого является сам исследователь, который в силу этого в определенной мере формирует объект исследования, и познавательными процессами в отношении природного мира, являющегося внешним по отношению к исследователю. Согласно методологической позиции Вебера, социология является наукой, «стремящейся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие» (Вебер, 1990: 602); социальным является только «такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него» (Вебер, 1990: 603). Определив таким путем предмет познания в социальных науках, Вебер ввел в них использование метода понимания и выработал правила и процедуры его использования. Неприменимость к социальным наукам естественнонаучного образца не означала, как он подчеркивал, освобождение социолога от обязательного соблюдения строгости и порядка в мышлении. Предложенный Вебером «третий путь» опирался на знаменитое различие между «оценочным суждением» и «отношением к ценностям». Первым выражением Вебер обозначил особую процедуру, используемую теми исследователями, которые при формулировке своих оценок догматически исходят из вполне определенной объяснительной системы. Из-за неумеренного использования оценочных суждений социальная доктрина превращается в пропаганду концепций, зачастую нацеленных не на познание, а скорее на достижение практических целей. Поэтому социальная наука должна быть свободна от использования оценочных суждений субъективного характера. Ученый может высказывать их вне стен университета, когда это не имеет отношения к его исследованиям. Как показывает Ю.Н. Давыдов, здесь Вебер исходил из той точки зрения, что «проблемы научно обоснованной констатации той или иной группы фактов (и причинной зависимости между ними) и проблемы их оценки в качестве желательных или нежелательных, выражающих внетеоретическое отношение к ним, являются разнопорядковыми. Их нельзя спутывать в ходе исследования, сколь бы трудным ни было достижение такой свободы в каждом отдельном случае» (Давыдов, 1998: 73). Напротив, «отношение к ценностям», согласно интенциям Вебера, представляет собой такое познавательное поведение, при котором учитываются культурные и исторические рамки, задающие определенные критерии, ориентирующие ученого в ходе исследования.

Сказанное не означает, что в методологическом плане не заслуживают внимания и изучения попытки социологов натуралистической ориентации выстраивать теорию как обобщение и анализ «экспериментальных фактов». В их основе лежало убеждение, что социальным фактам присущ статус передачи характеристик объективно существующей действительности, являющейся внешней по отношению к познающему субъекту. Это дополняется представлением о том, что социальные явления взаимосвязаны и строго подчинены вполне определенным объективным закономерностям или законам. При этом предполагается, что ученый, выступая в роли наблюдателя (или экспериментатора), в состоянии получить *объективное знание* об изучаемом им явлении, независимое от его субъективных предпочтений и оценок. Некоторых социологов позитивистской ориентации отличала также особая требовательность к строгости научного языка.

В числе таких ученых оказался итальянский экономист и социолог Вильфредо Парето (1848–1923). Еще в экономических работах он подчеркивал, что именно

благодаря тому, что в рассматриваемом наукой феномене проявляются единообразия, он может выступать объектом научного изучения. На рубеже XIX–XX веков Парето задался целью разработать «экспериментальную социологию, подобную химии, физике и иным, близким к ним наукам» (Парето, 2007: 14). Следует, по-видимому, принимать его всерьез, когда он подчеркивал, что о преимуществах использования того или иного метода можно узнать только из опыта. Опираясь на введенные критерии научности, он стремился отделять «научное знание» от псевдонаучных, околонучных и вненаучных способов теоретизирования.

Конечно, его намерение развивать социологию как экспериментальную и естественную науку (в значении, которое соответствует английскому слову *science*) само по себе не выглядит оригинальным и характерно для многих других социологов того времени. Как показывает Ежи Шацки, социологов-позитивистов второй половины XIX века отличала «убежденность в эпистемологической независимости фактов от теории, или, иначе говоря, вера в существование «чистых», а также «строгих» фактов, которые исследователь сумеет наблюдать тем лучше, чем более освободится от встречающихся мнений и “предрассудков”» (Szacki, s. 5). Следует, однако, отметить, что Парето обратил внимание на неполноту любых «экспериментальных» теорий в силу неполной индукции: «Мы никогда не будем забывать, что теория должна приниматься только временно, и то, чего мы сегодня придерживаемся как истинного, завтра может быть отброшено, если обнаружится иная теория, которая ближе подходит к реальности. Наука находится в непрерывном становлении» (Pareto, 1966: 11). Это высказывание сближает рассуждения Парето с некоторыми выдвинутыми впоследствии К. Р. Поппером принципами научного исследования (целью науки Поппер также считал максимальное приближение к истине). Парето неизменно утверждал, что «в отношении *истинности* теории не может быть никакого иного критерия, кроме согласия с фактами» (Pareto, 1966: 27), с чем нельзя согласиться, имея в виду относительную самостоятельность теории, ее способность развиваться из собственных основ. Позднее Т. Кун отмечает, что альтернативы в науке неизбежны и по этой причине «устаревшие теории нельзя в принципе считать ненаучными только на том основании, что они были отброшены» (Кун, 1975: 18)

Итак, Парето предлагает ввести демаркационные критерии, позволяющие отделить научные суждения от ненаучных. Что же, на его взгляд, позволяет ученому строго придерживаться рамок научного дискурса и не выходить за границы «экспериментальной области»? Во-первых, использование в научном суждении только тех понятий, которые максимально точно соответствовали бы «реальным вещам», не отличались бы неопределенностью и многозначностью, свойственной многим терминам обыденного языка. Во-вторых, требование строить научные суждения так, чтобы они оказывались доступными для проведения «экспериментальной верификации» (Pareto, 1966: 30). Научный метод, обозначенный им как «логико-экспериментальный», предписывает ученому применять суждения в строгом соответствии с логикой, а также прибегать только к данным опыта, что гарантирует получение объективного знания. Использование такого метода, как считал Парето, дает гарантию, что исследователь не выйдет в своих рассуждениях за границы научного, или экспериментального знания. В сжатой форме суть предлагаемого метода состоит в следовании следующим правилам:

- получать знания только на основе опыта и наблюдений;

- посредством систематического наблюдения выявлять связи между изучаемыми фактами и устанавливать характерные для социальных явлений единообразия (законы);
- обобщать добытые знания, выдвигать и проверять на опыте гипотезы, объясняющие факты;
- посредством логических дедукций стремиться распространить полученные знания на области, недоступные непосредственному наблюдению¹.

Иными словами, на первом этапе исследования с опорой на наблюдаемые факты формулируется гипотеза о законах, которым они подчинены. Это тот этап, который Милль именует непосредственной индукцией. На втором этапе из гипотезы выводятся ожидаемые следствия. На третьем этапе проводится верификация гипотезы. Парето, подобно Дживонсу, полагает, что получаемые из гипотезы выводы следует сопоставлять с фактами. При их совпадении научная гипотеза считается подтвержденной. Несовпадение будет означать либо ошибку наблюдений, либо ошибочность гипотезы. В последнем случае гипотеза отвергается. Но попытка поставить эмпирические факты в основу научной теории не выдерживает критики. Как отмечает польский социолог П. Штомпка, «уже на низшем уровне фактов мы имеем дело с теоретическим структурированием аморфного опыта благодаря использованию принципов, понятий, гипотез, а также определенных инструментов для осуществления наблюдения или проведения экспериментов, которые уже в своей конструкции содержат более общие посылки» (Sztompka, 1985: 18).

Впоследствии неопозитивисты, говоря об «атомарности фактов», абсолютизировали их относительную самостоятельность и использовали этот момент для отрыва научных фактов от фактов действительности. По характеристике В. С. Степина, логический атомизм Рассела–Витгенштейна «ориентировал на рассмотрение каждого отдельно взятого теоретического высказывания как сводимого к высказыванию об эмпирических фактах» (Степин, 2007: 52). С точки зрения логического позитивизма все знание представляет собой совокупность высказываний о том, что дано непосредственно. При этом любое утверждение, которое нельзя проверить эмпирическим путем, объявлялось лишенным познавательного значения и потому не относящимся к науке. В этой связи замечу, что и в наше время среди многочисленных социологов, проводящих конкретные исследования методом анкетирования, встречаются «стихийные позитивисты», которые заменили термин «опыт» выражением «данные» и обращаются к «данным опросов» как к исходным элементам знания эмпирического уровня.

Под социальным фактом социолог обычно понимает знание, получаемое непосредственно в процессе человеческой практики путем наблюдения состояний действительности. При таком понимании факт как основа знания о мире может рассматриваться как элемент знания эмпирического уровня, поскольку социальные факты обретают смысл благодаря использованию определенной совокупности общих понятий, применению научного языка.

¹ При этом он не ограничивается индуктивной логикой, которая более всего отвечала бы требованию опираться на «твердые» факты, не «замутненные» субъективными привнесениями, прибегает к дедуктивному выводу из исходных посылок, которые выступают в качестве гипотез и даже аксиом, но делает это с оговорками, чтобы не нарушалась общая ориентация на изучение эмпирической реальности.

К. Р. Поппер был одним тех методологов науки, которые вышли за пределы логического позитивизма, заметив, что простое индуктивное обобщение опыта не приводит к появлению теорий, что «теории не являются только описанием и систематизацией эмпирических данных» (Поппер, 2004: 56). Однако к такому же выводу еще до него пришел А. Эйнштейн, отметив, что «никакой логический путь не ведет от наблюдений к основным принципам теории» (Эйнштейн, 1967: 41). Научные теории не могут являться просто сокращенными записями фактов и результатов опыта, поскольку они обладают логическим статусом общих утверждений об изучаемых наукой закономерностях. Вне теоретической конструкции, посредством которой моделируется реальность, научный закон вообще не имеет фиксированного предметного содержания. В современных физических науках перевод отдельных научных законов на язык экспериментов и наблюдения становится весьма сложным. Об этом свидетельствует следующее высказывание того же А. Эйнштейна (1930): «Теория относительности являет собой прекрасный пример современного пути развития фундаментальных теорий. Исходные гипотезы становятся все более абстрактными, все более далекими от ощущений. <...> При этом мысленный путь от аксиом к осязаемым результатам или проверяемым следствиям становится все длиннее, все утонченнее. Теоретику все больше приходится руководствоваться при поисках теорий чисто математическими, формальными соображениями, поскольку физический опыт экспериментатора не дает возможности подняться прямо к сферам высочайшей абстракции. Место индуктивных методов, присущих юношескому периоду науки, занимает поисковая дедукция. К тому же надо далеко продвинуться в построении такого теоретического здания, чтобы прийти к следствиям, которые можно сравнить с опытом» (Эйнштейн, 1966: 279–280).

Независимо от споров о критериях научности можно указать три общепризнанные черты, отличающие научный подход к рассмотрению социальных явлений. *Во-первых*, науку отличает то, что она *не ограничивается описанием, но отличается стремлением к объяснению с использованием существующих теорий*. Определений понятия «теория» довольно много. Наиболее удачным, на наш взгляд, является определение П. Штомпки, который понимает под социологической теорией «любую совокупность онтологических, эпистемологических и методологических положений, абстрактных понятий и общих суждений о социальной действительности, которые должны давать объяснения в отношении доступного описательного знания по данной теме, а также направлять дальнейшие исследования» (Sztompka, 1985: 12). *Во-вторых*, ученых связывает требование *соблюдения норм и правил научного исследования*. Это три основных правила: 1) четкое определение исследуемой проблемы в контексте принятой парадигмы, т. е. существующего фактографического знания и существующих теорий; 2) аккуратный сбор данных и обеспечение возможности для других исследователей осуществлять контроль их подлинности (явность исследовательских процедур и способов применения научного инструментария обязательна на всех этапах исследовательской работы); 3) необходимость отличать основанные на фактах высказывания от тех, которые представляют собой только гипотетические предположения. *В-третьих*, отличительной чертой науки по-прежнему является *сохранение дистанции в отношении исследуемого социального объекта*. Давая оценки в ходе исследований, мы выходим за границы науки, хотя, конечно, полученная благодаря науке информация может стать основой для формулирования оценок.

Представители логического позитивизма выдвинули принцип верификации в качестве критерия демаркации научных и ненаучных теорий. Поппер показал недостаточность этого принципа. Он утверждал, что опыт не может предоставить теории позитивного обоснования, позволяет лишь осуществить в отношении нее дедуктивную проверку с помощью процедуры фальсификации, которая состоит в том, что «из данной теории с помощью других, ранее принятых высказываний выводятся сингулярные высказывания, которые можно назвать «предсказаниями», которые легко проверяемы или непосредственно применимы. Из них выбираются высказывания, не выводимые из до сих пор принятой теории, и особенно противоречащие ей. Затем мы пытаемся вынести некоторое решение относительно этих (и других) выводимых высказываний путем сравнения их с результатами практических применений и экспериментов. Если такое решение положительно, т. е. если сингулярные следствия оказываются приемлемыми, или *верифицированными*, то теория может считаться в настоящее время выдержавшей проверку и у нас нет оснований отказываться от нее. Но если вынесенное решение отрицательное или, иначе говоря, если следствия оказались *фальсифицированными*, то их фальсификация фальсифицирует и саму теорию, из которой они были логически выведены» (Поппер, 2004: 29–30). Согласно Попперу, прогресс в развитии научного знания заключается в отвержении (отбрасывании) очередных теорий, которые не выдержали строгих фальсифицирующих испытаний. На его взгляд, подлинно научная теория всегда открыта для проведения процедуры «фальсификации». Теория, которую невозможно опровергнуть в принципе, с его точки зрения лишена статуса научности. По его мнению, в науке следует опираться не столько на подтверждающие теорию эмпирические данные, сколько на поиск ее «потенциальных фальсификаторов». Таковыми, как явствует из его приведенного выше высказывания, выступают эмпирические данные и свидетельства, противоречащие выведенным из данной теории следствиям — предсказаниям.

Но и такая возможность вызывает сомнения, поскольку получаемое на основе теории предсказание, которое можно было бы сопоставить с опытом, невозможно вывести без дополнительных теоретических допущений, на которые всегда можно возложить ответственность за «конфликт» с фактами. Также и вторая (верифицирующая) функция оказывается под вопросом в силу так называемой теоретической нагруженности научных фактов. Такие факты всегда оказываются результатом интерпретации и рассмотрения в свете неких более общих теоретических оснований, постановка которых под вопрос может вызвать подрыв доверия к приводимому факту.

Согласно концепции смены научных парадигм, научное знание все время расширяется, отвергая «окончательные решения» и их методологические основания. Когда в рамках старой парадигмы не удается давать приемлемые объяснения новым результатам и данным экспериментов, после неудачных попыток ее сохранения совершается переход к построению новых теорий. Томас Кун, предложивший модель смены парадигм в движении научного знания, полагал, что в науке совершается непрерывное развитие, даже если оно предстает в форме этапов с разделяющими их революционными периодами. Впоследствии П. Фейерабенд опровергал очерченную Куном линейную модель развития науки, включающую «нормальные» и «аномальные» или «революционные» периоды на том основании, что, по его убеждению, «аномалии существуют на всех этапах истории парадигмы» (Фейерабенд, 1986: 122). Он также заявил о несоизмеримости более ранних и более поздних теорий, описывающих

тот или иной фрагмент действительности. Из этого следует несоизмеримость понятий, используемых в рамках разных концептуальных систем, что исключает возможность признания той или иной концепции за более высокую или более низкую стадию одного и того же пути развития данной дисциплины.

В связи с этим напрашивается ряд вопросов: почему, собственно, опыт может играть в науке ключевую роль? Как могут совершаться сравнение и оценка теорий? Какая теория может быть признана наилучшей среди тех, которые претендуют на наиболее верное моделирование реальности? При поисках ответов на них учитывается, что научные факты приобретают в современных теориях конвенциональный статус установлений, принимаемых коллективами научного сообщества. Подход, согласно которому создание теории представляет собой простое обобщение объективных фактов, отошел в прошлое. Стало очевидным, что ученый имеет дело не с действительностью самой по себе, но с неким набором опытных данных, более или менее целесообразным образом представленных посредством формулируемых и используемых им понятий. И хотя мы упорядочиваем наш опыт с помощью понятий, его упорядочивание не является точной копией структур объективной действительности.

Литература

Pareto V. Œuvres complètes. T. VII. Manuel d'économie politique. Genève : Librairie Droz, 1966.

Szacki J. Historia myśli socjologicznej. Wydanie nowe. Wydawnictwo Naukowe PWN. Warszawa, 2002.

Sztompka P. Teoria socjologiczna końca XX wieku. Wstęp // J. H. Turner. Struktura teorii socjologicznej. Warszawa : PWN, 1985.

Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.

Грязнов Б. С. Проблемы науки в работах логиков-позитивистов XIX в.: Д. С. Милль, У. С. Джевонс // Позитивизм и наука. М. : Наука, 1975.

Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология. М. : Мартис, 1998.

Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М. : Изд-во Москов. ун-та, 1987.

Дильтей В. Воззрения на мир и исследования человека со времен Возрождения и Реформации. Москва–Иерусалим : Университетская книга, 2000.

Конт О. Курс позитивной философии // Антология мировой философии : в 4 т. М., 1971. Т. 3.

Конт О. Курс положительной философии // Западноевропейская социология XIX века. Тексты. М. : Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996.

Кун Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1975.

Парето В. Компендиум по общей социологии. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

Поппер К. Р. Логика научного исследования. М. : Республика, 2004.

Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М. : Гардарики, 2007.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс, 1986.

Цит. по: *Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997. С. 288

Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 2. М. : Наука, 1966

Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. М. : Наука, 1967.

Scientific Fact and the Requirement of Scientific Objectivity in the Sociology of the Classical Period

ANDREY A. ZOTOV

Researcher, History and Theory of Sociology Department, Institute of Sociology RAS,
Editor, Journal Sociological Studie, Moscow, Russia
andrzotow@stream.ru

The paper looks at views — typical of the XIX century social sciences — on the status of a scientific fact and criteria of the scientific objectivity. The ideas, widespread in the early positivism, that there is an immediate connection between scientific facts and an emerging scientific theory, are presented. The history of confrontation between the naturalist and interpretative (anti-naturalist) concepts is analyzed. The models of the science progress, proposed by the classical positivism and post-positivism, are compared. It has been demonstrated that facts or experimental findings are put in order through concepts, and this regulation is not an exact copy of structures

Keywords: naturalism, positivism, collective identity, group identity.